

DOI: 10.22250/2072-8662.2018.4.26-36

Дашковский П.К.

Некоторые итоги изучения эволюции религиозного ландшафта Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии

Публикация подготовлена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтай, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/4.6)

Аннотация. В статье раскрываются некоторые итоги изучения развития религиозного ландшафта Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии в исторической ретроспективе как одного из приоритетных направлений в деятельности кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений и лаборатории этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета. На основе анализа археологических, этнографических данных, материалов архивных учреждений, законодательных документов и других источников последовательно рассматриваются особенности развития религиозного ландшафта Западной Сибири и сопредельных регионов Южной Сибири, Казахстана и Монголии от эпохи поздней древности и до современности. При этом отмечается, что эволюция религиозного ландшафта обусловлена особенностями этнических, социально-экономических, культурных и политических процессов. Определенное внимание уделено начальному этапу распространения буддизма, манихейства в регионе. Кроме того, рассматривается влияние различных процессов на положение мусульманских, старообрядческих, католических, иудейских, православных общин и основным направлениям государственно-конфессиональной политики России в имперский, советский и современный периоды.

Ключевые слова: религиозный ландшафт, Западная Сибирь, Центральная Азия, государственно-конфессиональная политика

Petr K. Dashkovskiy

Some Results of the Study of the Evolution of Religious Landscape of Western Siberia and Neighboring Regions of Central Asia

The publication has been prepared within the framework of the fulfillment of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on the theme "Development of the ethno-religious situation in the cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional politics: historical experience and modern tendencies", project no. 33.2177.2017/4.6

Abstract. The article reveals some results of the study of the development of the religious landscape of Western Siberia and neighboring regions of Central Asia in historical retrospect as one of the priorities in the activities of the department of political history, national and state-confessional relations of the laboratory of ethno-cultural and religious studies of the Altai state university. Based on the analysis of archaeological, ethnographic data, materials of archival institutions, legislative documents and other sources, the features of the development of the religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of southern Siberia, Kazakhstan and Mongolia from the late antiquity to the present are consistently considered. It is noted that the evolution of the religious landscape is due to the peculiarities of ethnic, socio-economic, cultural and political processes. Some attention is paid to the initial stage of the spread of Buddhism, Manichaeism in the region. In addition, the influence of various processes on the situation of Muslim, Old Believers, Catholic, Jewish, Orthodox communities and the main directions of state and confessional policy of Russia in the Imperial, Soviet and modern periods are considered.

Key words: religious landscape, Western Siberia, Central Asia, state and confessional policy

Дашковский Петр Константинович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, ведущий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр. Ленина-61, АлтГУ, лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований; dashkovskiy@fpn-asu.ru

Petr K. Dashkovskiy – DSc (History), Associate Professor at the Department of Political History, National and State-Confessional Relations; Head of the Laboratory of the Ethnocultural and Religious Research; 61 Lenin Ave, Barnaul, 656049; dashkovskiy@fpn-asu.ru

Изучение исторической динамики религиозного ландшафта Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии является одной из центральных тем алтайского религиоведческого центра, который представлен кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений и лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета. Прежде чем отметить некоторые тенденции в эволюции религиозного ландшафта указанного региона, остановимся на самом термине. Он стал появляться в научном категориальном аппарате сравнительно недавно – на протяжении последних лет, хотя изучение религиозных процессов в отдельных регионах проводилось даже в Советском Союзе, примером чего может являться коллективная работа «Религиозные верования народов СССР», изданная ещё в 1931 г. под общей редакцией В.К. Никольского. Однако в советской религиоведческой литературе термин религиозный ландшафт, судя по всему, особо не применялся. С другой стороны, в работах современных религиоведов это понятие проскальзывает, хотя не всегда раскрывается авторское понимание дефиниции [Главацкая, 2008]. В этой связи, на наш взгляд, целесообразно дать целостную характеристику данному определению. Итак, религиозный ландшафт – это исторически изменяющаяся система взаимоотношений *между обществом и религиозными общинами в определённом географическом пространстве в контексте этнических, социально-экономических, культурных и политических процессов. При этом, указывая на политические процессы, необходимо учитывать не только смену политического устройства государства, крупные военные конфликты, включая присоединение (в результате завоевания или добровольного вхождения) страны или обширной ее части, образование нового государства, но также и целенаправленную государственно-конфессиональную политику.*

Изучение развития религиозного ландшафта Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии в исторической ретроспективе в Алтайском государственном университете происходило в рамках последовательного проблемно-хронологического рассмотрения широкого круга источников. В результате было выделено четыре крупных тематических блока, которые затем стали разделами трехтомной коллективной монографии «Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии» (2014, 2015, 2017 гг.) под редакцией П.К. Дашковского. Исследования проводились по следующим тематическим направлениям: 1) прозелитарные религии и шаманское мировоззрение у народов Сибири и Центральной Азии в поздней древности и средневековье; 2) религиозные организации в Сибири в XVIII – начале XX вв. в контексте государственно-церковной политики российской империи; 3) религиозная жизнь населения Западной и Южной Сибири в советский период; 4) современные этноконфессиональные процессы в Западной Сибири и на сопредельных территориях. В результате многолетнего исследования были выявлены следующие особенности в развитие религиозного ландшафта Западной Сибири, а также сопредельных регионов Южной Сибири, Казахстана и Монголии. Прежде всего, установлено, что мировоззрение кочевых народов Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья носило синкретичный характер и отражалось в различных элементах погребально-поминальной обрядности и предметах материальной культуры [Дашковский, 2011а; Дашковский, Карымова, 2012; Дашковский, 2014а,б; Дашковский, Мейкшан, 2014]. При этом важной основой мировоззрения кочевников являлся шаманский комплекс верований и обрядов. С I тыс. до н.э. отмечается наличие иранского религиозного комплекса

в мировоззрении кочевников скифо-сакского периода. С начала новой эры и особенно раннего средневековья фиксируется знакомство кочевников с прозелитарными религиями, прежде всего, с манихейством, буддизмом, несторианством [Дашковский, 2014; 2015б]. Кроме того, постепенно религиозный фактор стал всё активнее использоваться кочевой элитой для решения не только внутренних, но и внешнеполитических проблем. В то же время, в силу недолговечности полиэтничных империй средневековья ни одна из мировых религий так и не смогла занять прочные позиции в мировоззрении кочевников [Васютин, Дашковский, 2009; Элита, 2015]. В эпоху позднего средневековья в ряде регионов Западной Сибири, кроме традиционных верований, происходит закрепление ислама [Ярков, 2014].

В Новое время заметным явлением в религиозной жизни Западной Сибири, кроме Русской православной церкви, стали мусульманские, старообрядческие, иудейские, католические общины. Необходимо отметить, что в XIX в. Российская империя выработала особую систему государственно-конфессиональных отношений, которая включала в себя четыре иерархических уровня. Высший уровень конфессиональной структуры занимала Русская православная церковь. На второй ступени располагались т. н. «признанные терпимые» – католики, протестанты, мусульмане, буддисты и иудеи. Следующее звено составляли «терпимые непризнанные», представленные преимущественно старообрядцами. Наконец, на низшей ступени располагались «непризнанные нетерпимые», к которым относились, например, такие группы как хлысты, скопцы. Исходя из соответствующего расположения религиозной организации или группы в данной иерархии с ней выстраивались особые отношения со стороны государственной власти и Русской православной церкви. Общероссийские тенденции государственно-конфессиональной политики хорошо прослеживаются в религиозных процессах, протекавших в Западной Сибири в XIX – начале XX вв.

Важно обратить внимание на то, что взаимоотношения Русской православной церкви с другими конфессиями в XVII – начале XX вв. были в определённой степени противоречивыми, поскольку первая получала разностороннюю поддержку со стороны правительства. При этом в Сибири укреплению позиции Русской православной церкви способствовала не только целенаправленная государственная религиозная политика, но и переселение значительного количества населения, особенно во второй половине XIX в. Переселенцы из европейских губерний в основной массе своей были крестьянами, исповедующими православие. Поэтому вполне закономерно, что переселенческое движение существенно активизировало храмостроительные процессы в Сибири и в целом способствовало усилению Русской православной церкви в этой части империи [Адаменко А.М., 2014; Волоснов Р.Ю., 2014].

Следует отметить, что Российская империя имела повышенный интерес к мусульманским народам в регионах. Политика государства в отношении исламских общин Западной Сибири в XIX в. проходит несколько этапов, начиная от либеральных реформ, к политике скрытого преследования ислама и в итоге к активной позиции самого инородческого населения в начале XX в. Оренбургское магометанское духовное собрание к концу XIX в. окончательно приобрело черты административного органа, зачастую отстаивавшего позиции государственной власти. Несмотря на активную позицию мусульманской интеллигенции в начале XX в. и создание общественных движений, положение мусульманских народов, в т.ч. Западной Сибири, в законодательстве Российской империи по-прежнему имело ограничительные возможности даже по сравнению с терпимыми конфессиями христианского вероисповедания [Шершнева, 2013; Дашковский, Шершнева, 2014].

Значительные силы российское государство направляло на решение «старообрядческого вопроса». Одним из распространённых способов борьбы государственной власти и официальной православной церкви со старообрядчеством на территории Западной Сибири, была так называемая единоверческая церковь [Ильин, 2014]. Она должна была существовать в чуждой для неё системе казённого православия с её «противораскольнической» парадигмой. На практике же единоверческая церковь не могла обходиться без набора административно-силовых мер воздействия на своих прихожан в процессе борьбы за полное господство официального православия. Она представляла собой, в сущности, некий церковный парадокс, т.к. насилие как способ

воздействия на паству изначально является антихристианским. Под формальным прикрытием института единоверческой церкви администрация продолжала осуществлять свою традиционную репрессивно-полицейскую политику в отношении старообрядчества. Становится ясно, что для светских и церковных властей главной целью создания единоверческого варианта православия служили не желание примирения и компромисса двух православных церквей, не духовно-нравственное «вразумление» и пастырские воздействия на староверов, а стремление быстрого его уничтожения посредством административно-полицейского аппарата.

В результате проведенного исследования удалось также установить особенности позиции Российской империи в отношении иудаизма в Западной Сибири [Гончаров, 2014; Кащаева, 2014]. При этом следует подчеркнуть, что евреи Сибири заметно отличалась по своему образу жизни, экономическому и социальному положению не только от евреев «черты оседлости», но и всех других регионов Российской империи. Важным моментом является то, что, с одной стороны, правительство пытается ограничить доступ евреев в Алтайский горный округ, поскольку они участвовали в тех предприятиях, где государство желало иметь монополию. С другой стороны, к началу XX в государственная власть уже не могла контролировать и полностью избежать расселения евреев в Алтайском горном округе, и, в большей мере, вынуждено было реагировать на последствия расселения.

Необходимо также обратить внимание и на определенное распространение католической веры в Сибири [Недзелюк, 2014]. При этом, как показано в нашем исследовании, количество католических общин было в Восточной Сибири даже несколько больше, чем в Западной. В социальном аспекте приверженцами католицизма являлись политические ссыльные, а также мигранты-аграрии или индустриально-промышленная категория работников, приехавших на заработки, беженцы во время Первой Мировой войны. Конечно, православие оказывало первостепенное влияние на религиозную культуру Сибири. Однако нельзя не отметить, что в регионе сложился неконфликтный тип отношений католических общин с местной администрацией, которая была заинтересована иметь в городах квалифицированных специалистов, а в селениях – добросовестных и малотребовательных работников.

Заметным явлением в этноконфессиональной истории Сибири стало формирование в начале XX в. бурханизма [Шерстова, 2014]. Процесс его сложения происходил как диалектическое соединение дошаманских верований и ритуалов с элементами джунгарского ламаизма при отрицании собственно шаманских институтов и культовой практики. В целом, бурханизм явился начальной формой национальной религиозной идеологии с «культом собственного этноса». Кроме того, он оказался тем фактором, благодаря которому было ускорено и в основном завершено сложение этноконфессиональной общности алтай-кижи. Не менее интересным оказалось рассмотрение традиционного мировоззрения хакасов Южной Сибири, основу которого составляли архаические воззрения о Вселенной и месте человека в нём [Бурнаков, 2015].

Следует подчеркнуть, что XX в., безусловно, является одним из ярких, сложных и противоречивых периодов в истории России. Это связано, во-первых, с тем, что страна оказалась вовлечена в две мировые войны. Во-вторых, революционные потрясения начала XX в., последующая гражданская война, построение новой модели социально-политической устройства общества, образование СССР – всё это не могло не сказаться на формировании и развитии концепции государственно-конфессиональных отношений. Уже в начале прошлого столетия на закате Российской империи наметились серьезные преобразования в религиозной политике. Недовольство национальных окраин имперской политикой России, в т.ч. в отношении привилегированного положения Русской православной церкви, рост самосознания и культурное развитие всё острее поднимали вопрос о положении различных народов (т. н. инородцев) и конфессий в государстве. Революционные потрясения России вместе с политическими требованиями обозначили вопрос и о религиозной свободе. Неслучайно правительственный акт «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., утверждённый Николаем II, разрешал свободно переходить из православия в другие христианские и нехристианские вероисповедания. Правда, вопросы

взаимоотношения между государством и религиозными общинами фактически остались неизменными. После свержения самодержавия Временное правительство попыталось продолжить линию на укрепление принципов свободы совести, приняв 14 июля 1917 г. постановление, разрешающее не только переходить из одной религии в другую, но и иметь нерелигиозное мировоззрение, т.е. не принадлежать ни к какой религии. Подобные изменения в государственно-конфессиональной политике хорошо прослеживаются и в Сибири [Белоус, 2015].

Важнейший этап в развитии религиозных общин России, в т.ч. и в Западной Сибири, связан с советским периодом истории нашего государства. Идеологической основой государственно-конфессиональной политики СССР являлся марксистский атеизм, который рассматривал религию как пережиток прошлого и чуждый для нового общества феномен. Исходя из такой позиции, выстраивалась вся законодательная база страны. Руководство страны в разные моменты советской истории при сохранении генеральной идеологической линии то ужесточало, то делало относительно либеральной религиозную политику. Наиболее драматичные и сложные годы приходятся на первые два десятилетия советской власти, которые сопровождался изъятием церковных ценностей и недвижимого имущества, репрессиями священнослужителей, а сами религиозные общины лишались статуса юридического лица со всеми вытекающими отсюда последствиями. Указанные тенденции государственно-конфессиональной политики СССР хорошо просматриваются и в региональном пространстве Западной Сибири [Овчинников, 2015].

Важно подчеркнуть, что поддержка большинства религиозных общин советской власти и Красной армии в годы Великой отечественной войны была принята во внимание И. Сталиным, что в определенной степени улучшило государственно-конфессиональные отношения. В тоже время в послевоенные годы и последующие «хрущевский» и «брежневский» периоды государство ни на мгновение не выпускало из виду религиозный вопрос, в т.ч. в регионах Западной Сибири [Дашковский, Зиберт, 2015; Горбатов, 2015; Дашковский, Дворянчикова, 2015; Билотос, 2015] и Восточного Казахстана [Жанбасинова, 2015]. Кроме того, государство часто разыгрывало религиозный фактор при решении вопросов не международной арене. Нередки были случаи и вмешательства со стороны власти во внутррелигиозные вопросы. Кардинальный пересмотр государственно-конфессиональных отношений наметился к концу периода существования СССР. Во многом импульсом к такому процессу послужили социально-политические преобразования М.С. Горбачева, получившие наименование «перестройка». Этот процесс сопровождался развитием принципов гласности и демократии. Официальное разрешение государственной власти на празднование в 1988 г. 1000-летия крещения Руси не только укрепило позиции Русской православной церкви, но и свидетельствовало о возможности более открыто исповедовать религиозное мировоззрение. Наконец, 1 октября 1990 г. был принят Верховным Советом СССР закон «О свободе совести и религиозных организациях», а 25 октября того же года Верховный Совет РСФСР утвердил свой закон «О свободе вероисповеданий». Данные законы фактически заложили демократические принципы свободы совести и вероисповедания, которые правда не успели в полной мере реализоваться, т.к. в 1991 г. СССР распался. В процессе проведенного исследования были изучены различные материалы, освещающие положение православных, протестантских, католических, мусульманских общин Западной, Южной Сибири [Дашковский, Зиберт, 2015; Горбатов, 2015; Дашковский, Дворянчикова, 2015; Билотос, 2015] и Восточного Казахстана [Жанбасинова, 2015] в системе государственно-конфессиональных отношений СССР. Отдельное внимание уделено освещению особенностей религиозности населения Западной Сибири в сельской местности, в которой более устойчиво сохранялось религиозное мировоззрение [Любимова, 2015].

Развитие религиозного ландшафта в трансграничном пространстве Западной Сибири и Центральной Азии в конце XX – начале XXI в. обусловлено целым спектром факторов. К числу основополагающих можно отнести такие, как распад СССР и изменение геополитической ситуации в Центрально-Азиатском регионе; всплеск национализма и новый импульс религиозности на постсоветском пространстве; миграционные процессы; разработка новой государственно-конфессиональной

и национальной политики как в Российской Федерации, так и в сопредельных центрально-азиатских государствах. При этом отмеченный регион в силу исторических особенностей развития по-прежнему сохраняет свою полиэтничность и поликонфессиональность.

Современный период развития религиозного ландшафта в Западной Сибири характеризуется, с одной стороны, восстановлением частично утраченных в советский период позиций т.н. традиционных конфессий. С другой стороны, в последние два с половиной десятилетия заметно активное распространение новых религиозных движений как в азиатской части России, так и в сопредельных государствах – Монголии и Казахстане. Массовое появление новых религиозных движений, как считают исследователи, явилось следствием крупнейшего цивилизационного сдвига, связанного со вступлением общества в эпоху постмодерна и постиндустриальную фазу развития. В процессе исследования на сибирских материалах было выявлено сходство в поведенческих стратегиях обитателей скитов и сторонников Церкви Последнего Завета, доктрины которых тесно переплетены религиозной, трудовой и экологической этикой [Любимова, 2017].

Важно подчеркнуть, что среди крупных религий православие, как и ранее, занимает значительное место в западно-сибирском регионе, быстро восстановив свои количественные характеристики [Овчинников, 2017]. Русская православная церковь в настоящее время успешно сформировала дробную организационно-территориальную структуру, систему духовного образования, сеть монастырей, а также выработала механизм взаимодействия с властями субъектов Российской Федерации.

Среди христианских направлений заметным явлением также становятся различные протестантские течения в разных районах Западной Сибири [Серова, 2017]. В этом отношении особенно показательна общественная деятельность зарегистрированных Церковью Евангельских христиан-баптистов, которая организована по тем же направлениям, что и в стране в целом: социальное, миссионерское, детское, молодёжное.

Существенным фактором в развитии религиозной жизни населения региона является ислам. В связи с этим не случайно в процессе исследования было особое внимание уделено народам, исповедующим данную религию. Это позволило сделать вывод о региональном варианте сибирского ислама, который проявляется, прежде всего, в форме культа святых. Это феномен универсален для всего исламского мира, но при этом всюду жестко отторгаемого представителями реформистских течений. В результате также установлено, что представления об этнической культуре групп сибирских татар были тесно связаны с исламским фактором, а этнокультурная идентичность в значительной степени совпадала с исламско-религиозной идентичностью [Селезнев, Селезнева, 2017].

Существенный блок исследований был проведён в процессе этноконфессиональных и этносоциологических изысканий в Республиках Тыва, Бурятия, Алтай, Алтайском крае, а также в Восточном Казахстане и Западной Монголии [Хомушку, 2017; Хвастунова, 2017; Сондомпилова, 2017; Дашковский, Романова, 2017; Дашковский, Жанбасинова, Шершнева, 2017; Дашковский, Цэдэв, 2017]. В результате установлено, что, во-первых, традиционные религиозные верования, которые сложились непосредственно на территории Саяно-Алтая, представляли собой сложную систему религиозных воззрений, культов и обрядов. Во-вторых, кроме наличия мировых религиозных систем, на эту территорию интенсивно проникают религиозные группы различной направленности (неохристианской, неоренталистской, мистико-эзотерической, языческой и др.). В целом наметившаяся в мире трансформация религиозной динамики на современном этапе обуславливает и специфику региональных проблем данного трансграничного пространства Сибири и Центральной Азии. Соотношение мировых и традиционных религиозных систем, определяются, с одной стороны, процессами вероисповедной политики России, Казахстана и Монголии, а с другой – масштабным движением миссионерства в XX–XXI вв. При этом лидерами в миссионерской деятельности являются протестантские направления, несущие за собой часто ценности западной потребительской культуры. Можно также отметить, что системы ценностных ориентаций жителей указанных регионов в целом характеризуется

преобладанием толерантного поведения, утверждением парадигмы поликультурности и преобладанием принципов межэтнической и межконфессиональной комплементарности, хотя это не исключает локальных очагов напряженности как по этническим, так и по религиозным мотивам.

Таким образом, исследование, проведенное сотрудниками лаборатории этнокультурных и религиозных исследований Алтайского государственного университета и привлеченных специалистов, показало, что развитие религиозного ландшафта в Западной Сибири и сопредельных районах Центральной Азии с эпохи поздней древности и до начала XXI в. происходило под влиянием этнических, социально-экономических, культурных процессов, политических преобразований и особенностей государственно-конфессиональной политики.

Библиографический список

1. Адаменко, А.М. Приходы русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX в. / А.М. Адаменко // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014. – Т. I: Поздняя древность – начало XX в. – С. 60–78.
2. Белоус, П.В. Русская православная церковь в Западной Сибири годы Первой мировой войны / П.В. Белоус // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2015. – Т. II: XX в. – С. 37–61.
3. Билотас, В. Католические священники в Сибири в период «хрущевской оттепели» (1955–1964 гг.) / В. Билотас // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2015. – Т. II: XX в. – С. 140–155.
4. Бурнаков, В.А. Традиционное мировидение хакасов (первая половина XX вв.) / В.А. Бурнаков // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2015. – Т. II: XX в. – С. 11–36.
5. Волоснов, Р.Ю. Религиозная адаптация переселенцев и государственная политика по устройству православных храмов на Алтае во времена крестьянских переселений последней четверти XIX начала XX вв. / Р.Ю. Волоснов // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014. – Т. I: Поздняя древность – начало XX в. – С. 79–94.
6. Главацкая, Е.М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования / Е.М. Главацкая // Уральский исторический вестник. – 2008. – №4 (21). – С. 76–82.
7. Гончаров, Ю.М. Религиозная жизнь евреев Западной Сибири в XIX – начале XX в. / Ю.М. Гончаров // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014. – Т. I: поздняя древность – начало XX в. – С. 133–143.
8. Горбатов, А.В. Объединения Евангельских христиан баптистов в Сибири и религиозная политика государства в 1940-е-1960-е гг. / А.В. Горбатов, В.А. Овчинников // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2015. – Т. II: XX в. – С. 119–140.
9. Дашковский, П.К. Из истории становления и развития кафедры религиоведения и теологии АлтГУ / П.К. Дашковский // Религия в истории народов России и Центральной Азии. – Барнаул, 2014а. – С. 6–11.
10. Дашковский, П.К. Иранский религиозный комплекс верований в мировоззрении кочевников Сибири и Центральной Азии в скифо-сакский период / П.К. Дашковский // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014б. – Т. I: поздняя древность – начало XX в. – С. 11–19.
11. Дашковский, П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов Центральной Азии: монография / П.К. Дашковский. – Барнаул, 2015. – 224 с.
12. Дашковский, П.К. Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI в / П.К. Дашковский. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. – Барнаул, 2010. – 42 с.
13. Дашковский, П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования): монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011а. – 244 с.

14. Дашковский, П.К. Распространение прозелитарных религий у тюркоязычных кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху средневековья / П.К. Дашковский // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014в. – Т. I: Поздняя древность – начало XX в. – С. 37–46.
15. Дашковский, П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования): монография / П.К. Дашковский, С.А. Васютин. – Барнаул, 2009. – 400 с.
16. Дашковский, П.К. Правовое положение христианских общин в 1953-1964 гг. / П.К. Дашковский, Н.С. Дворянчикова // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2015. – Т. II: XX в. – С. 75–83.
17. Дашковский, П.К. Региональные аспекты атеистической пропаганды в 1953-1964 гг. / П.К. Дашковский, Н.С. Дворянчикова // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2015. – Т. II: XX в. – С. 83–90.
18. Дашковский, П.К., Жанбасинова А.С. Современные этноконфессиональные процессы в Восточном Казахстане / П.К. Дашковский, А.С. Жанбасинова // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2017. – Т. III. Конец XX- начало XXI в. – С. 147–164.
19. Дашковский, П.К. Особенности государственной регистрации религиозных объединений в середине 1950-х – начале 1980-х гг. / П.К. Дашковский, Н.П. Зиберт // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2015. – Т. II: XX в. – С. 90–97.
20. Дашковский П.К. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование: монография / П.К. Дашковский, С.М. Карымова. – Барнаул, 2012. – 252 с.
21. Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Верования и обряды кочевых народов Саяно-Алтая и сопредельных территорий в хунно-сяньбийский период / П.К. Дашковский, И.А. Мейкшан // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014. – Т. I: Поздняя древность – начало XX в. – С. 20–36.
22. Дашковский, П.К. Этнические и религиозные аспекты идентичности населения в Алтайском крае / П.К. Дашковский, Е.В. Романова // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2017. – Т. III. Конец XX – начало XXI в. – С. 135–147.
23. Дашковский, П.К. Этноконфессиональные процессы в Монгольском Алтае / П.К. Дашковский, Н. Цэдэв // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2017. – Т. III.: Конец XX – начало XXI в. – С. 122–135.
24. Дашковский, П.К. Основные направления конфессиональной политики Российской империи в отношении мусульманских народов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / П.К. Дашковский, Е.А. Шершнева // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014. – Т. I: Поздняя древность – начало XX в. – С. 94–110.
25. Жанбасинова, А.С. Религиозная политика советского государства в Восточном Казахстане (20-50-е годы XX века) / А.С. Жанбасинова // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2015. – Т. II: XX в. – С. 155–176.
26. Ильин, В.Н. Старообрядчество Томской губернии в 1832-1905 гг. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи / В.Н. Ильин // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014. – Т. I: поздняя древность – начало XX в. – С. 110–121.
27. Кашаева, М.В. Иудейские общины на Алтае в конце XIX – начале XX в. / М.В. Кашаева // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014. – Т. I: Поздняя древность – начало XX в. – С. 143–148.
28. Любимова, Г.В. Новые религиозные движения и культы Сибири (конец XX – начало XXI в. / Г.В. Любимова // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2017. – Т. III: Конец XX – начало XXI в. – С. 61–76.
29. Любимова, Г.В. Религиозные воззрения и обрядовые практики сельского населения Сибири в XX в. / Г.В. Любимова // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2015. – Т. II: XX в. – С. 97–119.

30. Надзелюк, Т.Г. Католические организации в Сибири в XVIII - начале XX вв. в контексте государственно-церковной политики Российской империи / Т.Г. Надзелюк // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014. – Т. I: Поздняя древность – начало XX в. – С. 121–132.
31. Овчинников, В.А. Русская православная церковь на юге Западной Сибири в 1990 г. – начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография / В.А. Овчинников. – Барнаул, 2017. – Т. III: Конец XX – начало XXI в. – С. 10–25.
32. Овчинников, В.А. Русская Православная Церковь в Сибири в 1917–1943 гг.) / В.А. Овчинников // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2015. – Т. II: XX в. – С. 61–74.
33. Религиозные верования народов СССР / под ред. В.К. Никольского. – М., 1931.
34. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография / отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул, 2014. – Т. I: поздняя древность – начало XX в. – 214 с.
35. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография / отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул, 2015. – Т. II: XX в. – 194 с.
36. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография / отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул, 2017. – Т. III: Конец XX в. – начало XXI в. – 190 с.
37. Селезнев, А.Г. Ислам в Сибири: тенденции современных этноконфессиональных процессов / А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2017. – Т. III: Конец XX – начало XXI в. – С. 43–60.
38. Серова, Е.А. Общины Евангельских христиан-баптистов в Кемеровской области в конце XX – начале XXI в. Е.А. Серова // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2017. – Т. III: Конец XX – начало XXI в. – С. 25–43.
39. Хвастунова, Ю.А. Современная этнорелигиозная ситуация в республике Алтай / Ю.А. Хвастунова // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2017. – Т. III: Конец XX – начало XXI в. – С. 111–122.
40. Хомушку, О.М. Автохтонные религиозные верования народов Саяно-Алтая / О.М. Хомушку // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2017. – Т. III: Конец XX – начало XXI в. – С. 84–96.
41. Шерстова, Л.И. Бурханизм начала XX в. / Л.И. Шерстова // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014. – Т. I: Поздняя древность – начало XX в. – С. 148–177.
42. Шершнева, Е.А. Положение мусульманских общин Томской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Автореферат дис. на соискание ученой степени к.и.н / Е.А. Шершнева. – Барнаул, 2013. – 23 с.
43. Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул, 2015. – 330 с.
44. Ярков, А.П. Ислам в Южной Сибири в средние века / А.П. Ярков // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: коллективная монография. – Барнаул, 2014. – Т. I: Поздняя древность – начало XX в. – С. 47–59.

Текст поступил в редакцию 01.05.2018.

References

1. Adamenko A.M. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia]. Barnaul, 2014, vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 60–78 (in Russian).
2. Belous P.V. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015. Vol. II: the 20th Century, pp. 37–61 (in Russian).
3. Bilotas V. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015. Vol. II: the 20th Century, pp. 140–155 (in Russian).

4. Burnakov V.A. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015. Vol. II: the 20th Century, pp. 11–36 (in Russian).
5. Dashkovskii P.K. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014b. Vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 11–19 (in Russian).
6. Dashkovskii P.K. *Religiia v istorii narodov Rossii i Tsentral'noi Azii* [Religion in the History of Peoples of Russia and Central Asia]. Barnaul, 2014a, pp. 6–11 (in Russian).
7. Dashkovskii P.K. *Kyrgyz na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov Tsentral'noi Azii: monografiia* [Kyrgyz in the Altai in the Context of Ethnocultural Processes of Central Asia: Monograph]. Barnaul, 2015. 224 s. (in Russian).
8. Dashkovskii P.K. *Mirovozzrenie i sotsial'no-politicheskaia organizatsiia kochevnikov Saiano-Altaiia pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia v otechestvennoi istoriografii vtoroi poloviny XIX – nachala XXI v. Avtoferat dissertatsii na soiskanie stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Worldview and Social and Political Organisation of Sayan-Altai Nomads of Late Antiquity and Early Middle Ages in National Historiography of the Second Half of the 19th – Early 21st Centuries. Abstract of Doctor Thesis in History]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2010, 42 p. (in Russian).
9. Dashkovskii P.K. *Mirovozzrenie kochevnikov Saiano-Altaiia i sopredel'nykh territorii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia (otechestvennaia istoriografiia i sovremennyye issledovaniia): monografiia* [Worldview and Social and Political Organisation of Sayan-Altai Nomads of Late Antiquity and Early Middle Ages (National Historiography and Modern Studies)]. Barnaul, 2011a, 244 p. (in Russian).
10. Dashkovskii P.K. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014c. Vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 37–46 (in Russian).
11. Dashkovskii P.K., Dvorianchikova N.S. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015. Vol. II: the 20th Century, pp. 75–83 (in Russian).
12. Dashkovskii P.K., Dvorianchikova N.S. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015. Vol. II: the 20th Century, pp. 83–90 (in Russian).
13. Dashkovskii P.K., Karymova S.M. *Veshch' v traditsionnoi kul'ture narodov Tsentral'noi Azii: filosofskokul'turologicheskoe issledovanie: monografiia* [Thing in Traditional Culture of Peoples of Central Asia: Philocephical and Cultural Study: Monograph]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012, 252 p. (in Russian).
14. Dashkovskii P.K., Meikshan I.A. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014, vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 20–36 (in Russian).
15. Dashkovskii P.K., Romanova E.V. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2017. Vol. III. Late 20th – Early 21st Centuries, pp. 135–147 (in Russian).
16. Dashkovskii P.K., Shershneva E.A. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014, vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 94–110 (in Russian).
17. Dashkovskii P.K., Tsedev N. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2017. Vol. III. Late 20th – Early 21st Centuries, pp. 122–135 (in Russian).
18. Dashkovskii P.K., Vasiutin S.A. *Sotsial'no-politicheskaia organizatsiia kochevnikov Tsentral'noi Azii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia (otechestvennaia istoriografiia i sovremennyye issledovaniia): monografiia* [Social and Political Organisation of Central Asian Nomads of Late Antiquity and Early Middle Ages (National Historiography and Modern Studies)]. Barnaul, 2009, 400 p. (in Russian).
19. Dashkovskii P.K., Zhanbasinova A.S. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2017. Vol. III. Late 20th – Early 21st Centuries, pp. 147–164 (in Russian).
20. Dashkovskii P.K., Zibert N.P. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015, vol. II: the 20th Century, pp. 90–97 (in Russian).
21. *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii: kollektivnaia monografiia* [Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015, 330 p. (in Russian).
22. Glavatskaia E.M. *Ural'skii istoricheskii vesnik* [Ural Historical Bulletin]. 2008, no. 4 (21), pp. 76–82 (in Russian).
23. Goncharov Iu.M. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014, vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 133–143 (in Russian).

24. Gorbатов A.V., Ovchinnikov V.A. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015, vol. II: the 20th Century, pp. 119–140 (in Russian).
25. Iarkov A.P. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014, vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 47–59 (in Russian).
26. Il'in V.N. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014, vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 110–121 (in Russian).
27. Kashchaeva M.V. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014, vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 143–148 (in Russian).
28. Khomushku O.M. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2017, vol. III: Late 20th – Early 21st Centuries, pp. 84–96 (in Russian).
29. Khvastunova Iu.A. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2017, vol. III: Late 20th – Early 21st Centuries, pp. 111–122 (in Russian).
30. Liubimova G.V. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2017, vol. III: Late 20th – Early 21st Centuries, pp. 61–76 (in Russian).
31. Liubimova G.V. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015, vol. II: the 20th Century, pp. 97–119 (in Russian).
32. Nadzeliukh T.G. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014, vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 121–1332 (in Russian).
33. Ovchinnikov V.A. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2017, vol. III: Late 20th – Early 21st Centuries, pp. 10–25 (in Russian).
34. Ovchinnikov V.A. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015, T. II: XX v. S. 61-74 (in Russian).
35. *Religioznye verovaniia narodov SSSR* [Religious Beliefs of USSR Peoples]. Ed. V.K. Nikolsky. Moscow, 1931 (in Russian).
36. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014, vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, 214 p. (in Russian).
37. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015, vol. II: the 20th Century, 194 p. (in Russian).
38. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2017, vol. III: Late 20th – Early 21st Centuries, 190 p. (in Russian).
39. Seleznev A.G., Selezneva I.A. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2017, vol. III: Late 20th – Early 21st Centuries, pp. 43–60 (in Russian).
40. Serova E.A. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2017, vol. III: Late 20th – Early 21st Centuries, pp. 25–43 (in Russian).
41. Sherstova L.I. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014, vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 148–177 (in Russian).
42. Shershneva E.A. *Polozhenie musul'manskikh obshchin Tomskoi gubernii v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoi stepeni k.i.n.* [The State of Muslim Communities in Tomsk Governorate in the Context of State-Church Policy of the Russian Empire in the Second Half of 19th – Early 20th Centuries. Abstract of PhD Thesis in History]. Barnaul, 2013, 23 p. (in Russian).
43. Volosnov R.Iu. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2014, vol. I: Late Antiquity – Early 20th Century, pp. 79–94 (in Russian).
44. Zhanbosinova A.S. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kollektivnaia monografiia* [Religious Landscape of Eastern Siberia and Adjacent Regions of Central Asia: Collective Monograph]. Barnaul, 2015, vol. II: the 20th Century, pp. 155–176 (in Russian).